

Глава 22. Четыре ученика в Зале Вечного блаженства

Холодный ветер мягко колыхал однотонные занавеси. Западную стену кабинета убрали, и отсюда открывался чистый вид на заснеженные горы и бескрайнее море. Учитель и ученик сидели на полу друг напротив друга. Сун Цимин аккуратно наносил целебную мазь на руку Сяо Бая. На ресницы юноши опустилось несколько снежинок. Шэнь Цзибай долго смотрел на него, не отрываясь, затем прикрыл рот ладонью, тихо кашлянул и снова замер в преданном ожидании.

Сун Цимин задумчиво молчал. Закончив обрабатывать ожог, он притёр пробку флакона с мазью и поднял взгляд. Его внимание привлекла уродливая старая отметина на левой стороне челюсти ученика. Помолчав, он усмехнулся:

— Судя по твоим словам, Сяо Бай, ты решил лично выбрать мне жену?

— Да, — ответил Шэнь Цзибай.

Едва он это произнёс, как почувствовал, насколько это было лживо.

«И зачем я только так ответил? Столько лет я был послушным Шэнь Цзибаем, а теперь из-за такой глупости на душе кошки скребут».

Юноша долго молчал, прежде чем неожиданно спросить:

— Учитель, неужели вам мила дева Чэн?

Сун Цимин плеснул в пиалу горячей воды и пододвинул её к Шэнь Цзибаю, затем налил чаю себе. Над ответом он долго не раздумывал:

— Сяо Бай, в таких делах мало одного «хочу» или «не хочу». Всё решает взаимность. Если дева Чэн любо моё общество, а мне — её, тогда сегодняшний день положит начало счастливому союзу. Если же мы окажемся безразличны друг другу, то этот званый обед останется лишь обычной дружеской беседой между заклинателями.

Шэнь Цзибай окончательно запутался. В его понимании привязанность была чувством простым и чистым — именно так он сам относился к своему наставнику.

Юноша нерешительно взглянул на него:

— Тогда... мила ли вам дева Чэн, учитель?

Сун Цимин посмотрел на озадаченное лицо ученика и невольно улыбнулся:

— То, о чём я говорю, ты поймёшь со временем, когда придёт срок. А насчёт моих чувств к деве Чэн... Пожалуй, тебе об этом знать пока рановато. — Он шутливо взъерошил волосы Сяо Бая. — Не хочу сбивать тебя с пути истинного.

Шэнь Цзибай недовольно надулся:

— Вы прямо как мой отец. Тот тоже твердил, что я всё пойму, когда придёт время. А если оно никогда не придёт? Значит, я так и останусь в неведении?

Словно обиженный ребёнок, он упрямо поднялся, чинно поклонился и добавил:

— Ученику пора возвращаться к занятиям.

И, даже не обернувшись, покинул кабинет.

Сун Цимин остался сидеть в полном недоумении. Он почесал подбородок и озадаченно пробормотал:

— Что-то пошло не так. И реплики какие-то странные, и весь этот разговор...

«Погрешность действительно есть, — подала голос Система. — Возможно, дело в выбранной вами интонации».

— Да что не так с моей интонацией?! — возмутился Сун Цимин. — Не придирайся к мелочам. Раньше я вообще не стеснялся в выражениях, а из-за твоих дурацких правил скоро совсем разучусь нормально ругаться!

«Тем не менее меня вы честите вполне успешно».

Сун Цимин и сам не понимал, отчего так завёлся. Он сердито закутался в одеяло, точно в кокон, и глухо проворчал из-под ткани:

— Надо же, теперь даже Сяо Бай показывает мне свой характер.

Он ещё долго ворочался под одеялом, пока наконец не затих.

«Задание по снятию печати готово к запуску, господин Сун».

Сун Цимин промолчал.

«Господин Сун Цимин?»

«Сун Цимин?»

— Да катись оно всё к чертям! — рывкнул он из-под одеяла. — Не хочу я ничего делать!

«...»

В это же время в своей спальне Шэнь Цзибай, увлечённо читавший древний трактат, внезапно чихнул. Он потёр кончик носа и перевернул страницу.

Следующие три месяца после первого снегопада Сун Цимин провел на удивление смирно. Он без устали обучал учеников премудростям владения мечом, разобрал с ними сто семьдесят восемь техник и способов сосредоточения разума. Лишь изредка, под покровом ночи, он тайком ускользал из ордена в мир смертных — заглядывал в шумные города, чтобы выпить хорошего вина и полюбоваться местными красавицами. Возвращался он под утро, и каждый раз Шэнь Цзибай заставлял наставника в изрядном подпитии.

— Учитель, в такие холода не стоит задерживаться на улице допоздна. Простудитесь, — выговаривал ему юноша.

Он повторял это уже в десятый раз, но Сун Цимин лишь отмахивался, упрямо твердя, что только под хмельком его язык снова начинает чувствовать вкус жизни.

Шэнь Цзибай терпеливо уложил его на постель и укутал потеплее.

— Если вы и дальше будете так себя вести, дева Чэн на вас даже не взглянет. И ваше расположение ей даром окажется не нужно.

— Кто... кто это сказал? — невнятно пробормотал Сун Цимин, засыпая. — Почему это она не взглянет... Я ей люб, и она мне... люба...

С этими словами он крепко уснул.

Шэнь Цзибай недовольно поморщился и легонько, шутки ради, ущипнул наставника за щеку.

— Раз уж вам так мила дева Чэн, негоже заявляться к ней в таком непотребном виде, —

прошептал он.

На душе у юноши вновь стало беспокойно. Камень, что давил ему на грудь последние три месяца, никуда не делся — напротив, он становился всё тяжелее.

На следующий день Шэнь Цзибай быстро закончил свои занятия. Книги старца Куна о познании сути вещей, очищении разума и самосовершенствовании давались ему без малейшего труда. Освободившись пораньше, он взял большую метлу и отправился во двор — подметать опавшие листья перед Залом Вечного блаженства.

Цао Юэпу только-только проснулся. Потягиваясь и сладко зевая, он вышел во двор в поисках чего-нибудь съестного и так и застыл от удивления: все дорожки были чисто подметены, а сухая листва аккуратно собрана в кучи. В это время Лю Цзуван и Шэнь Цзибай уже сидели на террасе, уплетая сладости и прихлёбывая горячий чай.

— Ах вы обжоры! Почему меня не позвали?! — возмутился Цао Юэпу. Он пулей подлетел к ним, уселся прямо посередине и сердито уставился на приятелей. — Мы же договаривались будить меня, если будет чем поживиться!

Лю Цзуван не торопясь проглотил кусочек пирога и примирительно улыбнулся:

— Прости, Юэпу, но я побоялся будить тебя. Твой утренний гнев страшен даже для бессмертных.

— Всё равно надо было разбудить! — буркнул Цао Юэпу, уже вовсю уплетая пирожное с османтусом. — М-м-м, до чего же вкусно! У пятого шишу золотые руки, готовит куда лучше того старого лиса из моего дома!

Шэнь Цзибай согревал ладони о тёплую пиалу. Он смотрел куда-то вдаль, туда, где за горизонтом зарождался бледный утренний свет. Слегка шмыгнув носом, он спросил:

— Как продвигаются ваши тренировки? Разобрались со вчерашней техникой меча, которую показывал учитель?

Цао Юэпу со вздохом покачал головой:

— Какой из меня мечник? В детстве я едва не лишил отца мужской силы, случайно махнув клинком. Он тогда так разъярился, что наотрез запретил мне даже приближаться к оружию. С тех пор я мечи в руки не беру. Учитель знает об этом, поэтому заставляет меня просто развивать выносливость да разучивать простые приёмы самообороны.

— Даже простые приёмы — это хорошо, — отозвался Шэнь Цзибай. — Случись что, мы хотя бы не будем за тебя так сильно переживать.

Цао Юэпу улыбнулся:

— Старший брат, другие ученики часто жалуются, что ты вечно ходишь с каменным лицом и к тебе не подступиться. Вот если бы ты почаще улыбался, с тобой бы все с радостью общались!

Шэнь Цзибай снова шмыгнул носом и покачал головой:

— Это слишком утомительно.

— А?

— Мне и с вами-то разговаривать хлопот хватает, — невозмутимо пояснил он.

Цао Юэпу на секунду лишился дара речи, он выглядел крайне забавно.

Лю Цзуван не выдержал и прыснул со смеху.

— Ну ты даёшь... — протянул Цао Юэпу. — И почему ты смеёшься?

Лю Цзуван утёр выступившие от смеха слёзы и кивнул:

— Сами знаете, старшие братья, я смешливый. Даже над самой глупой шуткой могу хохотать до упаду.

— И с чего бы это? — полюбопытствовал Цао Юэпу.

— Почему?.. — Лю Цзуван на мгновение задумался. Ему вспомнилось далёкое детство, когда отец и мать баюкали его на руках, ласково называя А-Си. Они всегда говорили: «А-Си, когда тебе грустно, просто улыбнись — и всё пройдёт». Сейчас он уже почти не помнил их лиц, но эти слова врезались в память навечно. — Наверное, из-за родителей.

В этот момент вернулся Дун Жань, неся свежие лакомства от пятого шишу. Он поставил плетённый коробок на дощатый пол и уселся рядом. Проголодавшийся Цао Юэпу тут же нетерпеливо приподнял крышку, и по террасе разлился аппетитный аромат свежей выпечки.

Шэнь Цзибай только успел отправить в рот кусочек бобового пирога, как Дун Жань негромко обронил:

— Сюда явился предатель Путо Инь. И не один, а со старшим учеником Пути ордена Тан, Тан Юйцзином. Сейчас они все в Главном зале. Наш учитель тоже там.

Шэнь Цзибай тут же поднялся на ноги:

— Ешьте не торопясь и не забывайте про тренировки. Мне нужно отлучиться.

Цао Юэпу проводил его взглядом:

— И куда это Сяо Бай так поспешил?

— Должно быть, в Главный зал, — предположил Лю Цзуван.

В этот раз отряд Пути ордена Тан насчитывал не менее сотни человек, из-за чего среди младших учеников Ордена Цисинь поднялся нешуточный переполох. Поговаривали, будто следующей целью захватчиков станут их собственные благодатные земли. Впрочем, другие тут же возражали: «Чего нам бояться? С нами основатель нашего ордена, учитель и шишу! Никакой Путь ордена Тан не посмеет здесь бесчинствовать!»

Шэнь Цзибай быстро шёл мимо взволнованно переговаривающихся учеников. В его памяти ещё были свежи воспоминания о событиях в Несокрушимом городе, где Тан Юйцзин и Путо Инь без колебаний вырезали людей ради Призрачного приказа. Нет сомнений, они явились сюда именно за Призрачным приказом призыва армии.

Тревога в его груди нарастала. Когда он подошёл к дверям Главного зала, изнутри донёсся наглый, развязный голос Тан Юйцзина:

— Почтенный старейшина Лу, вы ведь и представить не можете, какая досада со мной приключилась! В Несокрушимом городе я обронил ценнейшую семейную реликвию. Искал повсюду — да всё без толку. И тут один из моих верных слуг докладывает, будто вашу пропажу прибрал к рукам ваш третий ученик. Вот я и пришёл к вам за объяснениями.

Шэнь Цзибай крепко сжал кулаки. Ему до безумия хотелось ворваться внутрь и разбить Тан Юйцзину его лживую физиономию. И не его одного переполняла злость — любой ученик Ордена Цисинь, слышавший эти наглые бредни, мечтал хорошенько проучить заносчивого гостя.

Раздался спокойный, размеренный голос Лу Чэнхуа:

— И какую же именно реликвию потерял уважаемый бессмертный Юйцзин?

— А это вам знать совсем не обязательно, — хмыкнул Тан Юйцзин. — Мой наставник, глава

Пути ордена Тан, лично поручил мне разобраться с этим делом. И если вы не вернёте вещь добром, не обижайтесь — наш орден церемониться не станет.

Лу Чэнхуа тихо рассмеялся:

— У Пути ордена Тан несметное множество сокровищ. Если вы не желаете даже назвать пропажу, как же я смогу вам помочь?

— Да чего тут гадать? Спросите своего ненаглядного ученика! — высокомерно бросил Тан Юйцзин. — В Несокрушимом городе он пользовался нашей защитой, а под конец подло обокрал нас!

— Ваше заявление строится на одних лишь домыслах, бессмертный Юйцзин, — возразил Лу Чэнхуа. — Клеветать на моего ученика без единого доказательства — не слишком ли поспешно?

Сидевший рядом Путо Инь холодно усмехнулся:

— Поспешно? Да это очевидный факт, бессмертный Лу! Позовите сюда вашего Сун Цимина, пусть ответит перед нами! Иначе пеняйте на себя.

В этот момент взгляд Путо Иня упал на толпу учеников у входа, где стоял Шэнь Цзибай. Предатель яростно указал на него пальцем:

— Он тоже соучастник! Взять его!

Шэнь Цзибай не стал сопротивляться, когда ученики Ордена Тан выволокли его на середину зала. Его занимала лишь одна мысль: если Призрачный приказ, найденный в Несокрушимом городе, действительно оказался фальшивкой, то где же тогда настоящий? Неужели у учителя?

Путо Инь навис над ним, брызжа слюной:

— Этот щегол притворялся бродячим заклинателем и крутился под ногами! Говори, паршивец, куда вы дели добро Пути ордена Тан?!

Шэнь Цзибай спокойно посмотрел на него:

— Что вы несёте, бессмертный Путо? Призрачный приказ призыва армии — древняя святыня Несокрушимого города. С каких это пор он стал собственностью Пути ордена Тан?

Никто не ожидал, что юноша прямо назовёт это злое сокровище. Тан Юйцзин помрачнел.

Он резко вскочил, с грохотом опрокинув чайный столик:

— Дерзкий щенок! Да как ты смеешь вообще упоминать Призрачный приказ! Вы хоть понимаете, во что ввязались?!

— Надо же, какой грозный вид. И что забыли столь важные господа из Пути ордена Тан в нашей скромной обители?

Голос раздался от дверей. Сун Цимин неторопливо шёл сквозь расступающуюся толпу учеников. Когда его взгляд упал на Шэнь Цзибая, удерживаемого на коленях посреди зала, он на мгновение стал холодным. Однако он тут же усмехнулся:

— Тан Юйцзин, Путо Инь... Не думал, что ваши манеры со временем станут ещё паршивее.

<http://bllate.org/book/20145/2172057>